

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МЕМУАРНО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

УДК 821.112.2 "19"

«ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ» ТОМАСА МАННА

© С.Н.Аверкина

Статья посвящена проблемам художественной коммуникации в дневниках и письмах Т.Манна. Особое внимание уделяется изменению стиля и характеру представления о реципиенте в позднем творчестве писателя. Представляется, что «интимный дневник» раннего Т.Манна превращается в «протокол жизни», регистрирующий изменения в культуре и истории Германии на примере частного опыта отдельного автора, считавшего себя «хроникером эпохи». Дневники и письма дополняют художественное творчество Т.Манна, составляя «параллельный текст», который комментирует и дополняет текст фикциональный.

Ключевые слова: текст, документ, адресат, дневник, письмо, скриптитизация, протокол жизни.

В течение всей своей творческой жизни Т.Манн опирался на документальные свидетельства, истории из жизни, факты, анекдоты. Известно замечание Петера де Мендельсона: Т.Манн создавал «записанную реальность» («beschriebene Realität») [1: 36]. Эта меткая формула отправляет исследователей в период работы над «Будденброками».

Писатель с невероятным усердием собирал материалы, связанные с его родом, делал основательные обзоры семейных хроник. Дядя Т.Манна, которого он считал умнейшим человеком своего времени, заполнял специальные «вопросники», составленные писателем. Автора «Будденброков» интересовала жизнь крупной любекской буржуазии в последние десятилетия XIX столетия: изменения цен, соотношение валют, выборы в сенат, настроения людей, ситуация с транспортом, железными дорогами, освещение улиц, одежда домашних слуг, положение дел в школах. Он изучал сведения о расходах на хозяйство и вкладах крупных буржуа, что потом помогло описать состояние семьи Будденброков. Мать передавала ему рецепты, врачи консультировали относительно протекания тифа у детей. Знакомые из Мюнхена рассказывали о жизни в Баварии, записывали диалоги на южнонемецком диалекте, отправляли сведения о кухне региона. Сестра Юлия прислала отчет на 18 страницах об их родственниках (тете Элизабет и ее дочери Алисе), которые стали прототипами Тони [2: 110].

Однако эта внимательность к детали и факту доставила писателю немало хлопот. Фридрих Манн, узнавший себя в «веселом и глуповатом» («liebenswert-trottelhaft») Кристиане, обратился в издательство «Luebeckische Anzeige», обвинив племянника в том, что он создал отврати-

тельную карикатуру на родственников и «осквернил родное гнездо» («Ein trauriger Vogel, der sein Nest beschmutzt») [2: 111].

Известно также, что Г.Гауптманн, заметивший в фигуре жизнелюбивого и шумного Пеперкорна свои черты, выразил неудовольствие. В речи, посвященной столетию писателя, Т.Манн поясняет данное обстоятельство: «Это вовсе не злая карикатура, а славословие, и как проникновеннейший загляд в глубины человеческой личности, который мне когда-либо удавался, он больше расскажет будущим поколениям об этом человеке, нежели все критические монографии о нем. ...В Германии его труд будет отмечен высокой *festivialis* – навсегда» [3: 498-499]

Примечателен и прецедент с А.Шёнбергом, который вступил в резкую письменную полемику с автором «Доктора Фаустуса». Прибегнув к по-детски наивной мистификации, композитор сообщил Т.Манну, что «некий Гуго Трибзамен якобы прислал ему выписку из «Энциклопедии Американа», в которой было сказано, что Томас Манн, первоначально музыкант, является истинным изобретателем двенадцатитоновой системы, но, став писателем, молча, смирился с тем, что один композитор-плагиатор по фамилии Шёнберг присвоил его открытие». Позднее в сердечном примирительном письме к Томасу Манну от 25 февраля 1948 года Шёнберг признался, что сам выдумал этого Трибзамена. Счастливым концом история обрела исключительно благодаря выдержке и такту автора «романа эпохи», всегда с огромным уважением относившегося к таланту Шёнберга [4: 367].

Наиболее интересен «документальный пласт» дневников и писем Т.Манна. Долгие годы данная тема пристально изучается зарубежными и отечественными германистами. Внимание ученых

привлекает не только переписка писателя с отдельными адресатами (см. Ёрган Едер «Переписка с писателями»), но и свидетельства его интеллектуальной и духовной жизни, относящиеся к определенному творческому периоду (К.Харпрехт, Г.Курцке, Инге Йенс). Отдельную область манноведения составляют труды, в которых дневники и письма рассматриваются как единый текст, наряду с автобиографической прозой («В зеркале», «Сладкий сон», «Детские игры» (1904), «Бильзе и я», «О браке. Письма графу Герману Кайзерлингу»), так называемой «идентифицирующей эссеистикой» – «Identifikatorische Essayistik» (например, «Любек как духовная форма жизни», «Гете, и другие кумиры») и заметками, посвященными истории создания отдельных романов («Волшебная гора», «Королевское высочество», «Доктор Фаустус»). Очевидна тенденция анализировать весь корпус текстов Т.Манна с учетом художественных, критических, автобиографических и политических литературных практик писателя. Соединение фикционального и нефикционального дискурса является центральной проблемой новейших исследований Рольфа Гюнтера Реннера – *Essay und fiktionaler Text*, «Suche nach der Authentizität des Ich», Игора Эбоноидзе, Филипповой Анны Кирилловны – «Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира (на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна)», многих других авторов.

Конечно, эссе, письмо и дневник – разные, но сопоставимые по важности для изучения художественного мира писателей жанры. В фокусе исследователей оказываются культурно-исторический контекст, особенности языка эпохи, индивидуальный стиль отдельного автора и, конечно, коммуникативная направленность текстов, образ читателя, к которому обращается автор.

Адресат в письмах и дневниках определен в разной степени: в письме он может быть названным, анонимным, воображаемым, тем, кому исповедуются, кого поучают или у кого спрашивают ответ. Одно принципиально важно, что письмо всегда «реактивно», *par excellence* отвечает на предыдущий посыл, не важно, спонтанная это или регулярная переписка. Образ реципиента определяет и стиль послания.

Для дневника более характерна автокоммуникативная установка; по сравнению с письмом он более монологичен, личностен, импровизационно свободен, даже если он ориентирован на некоего обобщенного читателя, представителя поколения, группы, национальности. Он соединяет черты скрипта (письма как такового, в кафкианском значении этого слова) и социального

феномена. Статья / эссе повествуют «о», дневник создан «для», письмо же направлено «к» [5: 15]. Вместе с тем грань между ними часто сложно уловить. Для многих авторов, творивших в XX веке, в том числе и Т.Манна, важна сама функция адресования, установка на диалогическое понимание природы всякой коммуникации, даже не имеющей реального реципиента, когда автор обращается к «надчеловеческой» сущности: «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму», к умершему или к еще не родившемуся, к «предкам» или к «потомкам». Также и Т.Манн даже в дневнике обращается «к».

Принципиальная открытость, желание быть услышанным характеризует все нефикциональные тексты писателя. «Я люблю запечатлеть отлетающий день в его духовных и отчасти чувственных проявлениях» (дневник 1933 года) [2: 357]. В течение всей жизни Т.Манн состоял в переписке с самыми разными деятелями культуры и был, по выражению Инге Йенс, летописцем времени, «страстным и скрупулезным» («*aus-schweifender und penibler Tagebuchschreiber*») [2: 721].

Большинство критических заметок Т.Манна сохранилось. Из дневников остались записи от 1918-1921 // 1933-1934 // 1935-1936 // 1937-1939 // 1940-1943 // 1944 // 1946 // 1948 // 1949 // 1950 // 1951-1952 (издано П.де Мендельсон и И.Йенс). Ранние дневники и письма Т.Манна уничтожены. Эти лакуны восполняются частично, благодаря «прореженной» переписке 1889-1936, изданной Эрикой Манн (1962), а также переписке с Генрихом Манном, Отто Граутофом (1894-1901), Эрнстом Бертрамом (1910-1955), Самуэлем Фишером, Германом Гессе, Артуром Шнитцлером.

По меньшей мере трижды Т.Манн вполне осознано уничтожал письма и дневники – «документы отжитого времени» («*Dokumentation einer fuer ihn abgelebten Zeit*»). Во-первых, в 1896 году. Из письма Граутофу от 17.02.96: «Я сжигаю дневники! Почему? Так как они мне в тягость, уже само их существование, да и другое: – стыдно и неудобно держать такую массу тайных – очень тайных – записей» [6].

Второй раз – в 1933 году – после отъезда из Германии. Т.Манн попросил сына Голо забрать из квартиры на Пошингерштрассе дневники 1918-1919 гг., цитата: «забрать, не читая ни строчки оттуда» [2: 522-523]. Он испытывал истинный ужас, что гестапо может познакомиться с их содержанием. Неизвестно, все ли они были уничтожены и не сделали ли списков с них перед отправлением в Швейцарию. Существует предположение, что шофер писателя сотрудничал с новым правительством. Дневники хранились у

писателя до конца войны и потом, перед длительным турне по восточным штатам, он сжег их как опасные свидетельства откровений молодости.

И, наконец, в третий раз Т.Манн сжигает дневники в 1950 году, подводя итоги собственной жизни. Цитата: «Для чего я пишу все это? Чтобы еще раз перед моей смертью вовремя уничтожить? Или я хочу, чтобы мир знал меня? Я думаю, он и без того знает обо мне больше, <...> нежели мне в том сознается» [6].

По мнению переводчика дневников Игоря Эбоноидзе, «в этих немногих строчках отразился весь психологический склад Томаса Манна: и постоянная оглядка на себя со стороны, сверхчувствительная рефлексия, способная даже в семьдесят пять лет накалиться до полного смятения, до порыва к уничтожению написанного; и столь же постоянное соотнесение себя с миром, приведение себя в порядок перед его незримым, но всезрящим оком; и новая оглядка – уже на собственную рефлексия, ироничное и мудроскептическое ее осмысление; и, наконец, как результат – удивительная способность делать всеобъемлющие, объективные выводы из сокровеннейших субъективных посылок».

События уничтожения дневников обрамляют если не весь творческий путь автора, как полагает И.Эбоноидзе, «то по крайней мере главное, что было на этом пути, – самосознание судьбы» [6].

Ранние дневники и некоторые письма писателя в значительной степени отличаются от записей поздних лет.

Сам Т.Манн признается, что первоначально он вел «дневник души» (ее движения) и «дневник духа (идеи, мысли), так называемый «Дневник для чуланчика», «так и просящаяся в огонь смесь личных излияний, пристрастных психологических самонаблюдений и художественных эскизов – плодов творческой фантазии» [6]. Можно привести пример из случайно сохранившегося письма Граутофу, позволяющего судить и о характере уничтоженных дневниковых записей: «Я думаю о своих страданиях. Почему я страдаю? Из-за всяких научных теорий... Они меня когда-нибудь уничтожат! Они даже искусство заставляют воспринимать с их учетом. Это отравы, яд!» [2: 91]. Речь идет о психоанализе. Или еще пример. Граутоф обратился к врачу-психиатру, который попросил его принести записи последних лет. В них, вероятно, упоминался Т.Манн. «Я страшно раздражен. Который раз ты игнорируешь мои просьбы. Бог знает, почему! Из-за удобства, хитрости, небрежности. Упоминается ли мое имя в твоих бумагах? Компрометируют ли они меня хоть в какой-то степени» [2: 102]. В

этот период времени дневник был «больше» собственно художественных текстов, создаваемых автором.

Настоящим Рубиконом стало появление сборника «Маленький господин Фридеман», после которого наметились изменения дневникового стиля в сторону большей документальности. Появляется дневник «врача», ставящего диагноз, дневник наблюдателя.

Манн часто фиксировал, с каким снотворным засыпал, писал о погоде, иногда детали утреннего пробуждения, давая характеристику полученным и написанным письмам, «тут же мысли, чувства, никакой выборочности, все как есть». С одной стороны, их характеризует упорядоченность, «защита систем писательства от жизни, с другой, – сопротивление и символическому и репрезентативному, не обремененному бытовыми заботами писательству». «Я свято верю в то, что мне достаточно рассказать о себе, чтобы заговорила эпоха, заговорило человечество...» [6].

Уточняя жанр позднего дневника Т.Манна, можно прибегнуть к термину А.Н.Алексеева «протокол жизни». Это не в чистом виде хроника общественной жизни, личности; не социальные события, частные эпизоды, не только свидетельства, не действие и не наблюдение в чистом виде, не мемуары, это оперативное и точное отображение случившегося в точке пересечения биографии и истории, полифоническая летопись современности. Установка на «скриптизацию бытия» (К.Пирогов). Его задача: оглашение своего бытия и удвоение его в фиксированном слове. Дневник и письмо есть имманентные формы скриптизации, письмо в копии. Так, художественный текст обрастает дополнительным текстом, позволяющим интерпретировать творчество художественное.

В качестве примера можно привести письмо от 1914 г. брату, дающее ключ к пониманию многих тем, затронутых в трактате «Записки аполитического», в частности проблеме разделения интеллектуалов на два лагеря: «профранцузский» и «немецкий», напоминающий состояние гражданской, братской войны:

«Верю тебе на слово, что ты меня не ненавидишь. После очерка об Э.Золя у тебя просто нет причин для этого. А слово «братская вражда» («Bruderhass») было символом всеобщей разобщенности, если следовать психологии руссоизма...Братское восприятие все окрашивает в личные тона... Боль? Пройдет. Становишься твердым и нечувствительным. С тех пор, как умерла Карла, и ты связался с Лилой, разобщенность – вечная судьба нашего братства...» [7: 19-20].

Часто один факт упоминается в дневнике или письме и переосмысливается в художественном тексте. Например, многие эпизоды «Песни о ребенке», идиллии, посвященной рождению дочери Манна Элизабет, «соотносятся» с отрывками из дневника писателя. Обратимся к эпизоду крещения, пересказанному в записи от 23.X.1918: «В половине пятого собрались гости: Фридлер, Бертрам, Катина мать, Вальтерсы, Лула и госпожа Маттершток (так называемая тетя Лина, жена К.А.Маттерштока, директора баварского сельскохозяйственного банка). Царила дружественная атмосфера, но я нервничал. Церемония была в Катиной комнате. Стол с крестом, лампадами, Библией и старинной купелью, для которой я отвел особую роль в «Волшебной горе», перед окном. Фидлер трогательно говорил о любви. Малышка кричала некоторое время, и ее унесли... Вместе пили чай в столовой. Конечно, начались разговоры о войне. При этом Вальтер говорил громко и эмоционально, Лула истерически...» [8: 43].

В дневнике сохранены психологические аспекты общения внутри семейного и дружеского круга. В «Песне» события поэтизируются. Описанию купели посвящено три страницы. Словно в старинном эпосе, автор припоминает историю этого удивительного предмета, подробно изображает его, намеренно замедляет основное действие, подробно останавливается на детальном фоне. В дневнике, напротив, детали не упоминаются, но есть ссылка на творческие планы писателя. Уже в 1918 году он задумывался над эпизодом из будущего романа (первая глава «Волшебной горы», отрывок, в котором рассказывается история семейной купели). Из всех присутствующих гостей не упоминаются сестра Лула (Юлия, отношение к которой в семье было негативным) и госпожа Маттершток (жена банкира). Писатель оставляет в стихотворении только самых близких людей.

Между «документом, документальным» и «художественным» возникает напряжение, открывающее все новые возможности для интерпретации творчества художника. Выстраивается параллельный текст.

В современной филологии этот термин понимается достаточно узко. Параллельный текст

(битекст) – текст на одном языке вместе с его переводом на другой язык. Большие собрания параллельных текстов называются «параллельным корпусом». В традициях отечественной семиотической школы термин трактуется расширительно. Художественный текст автора воспринимается как единый и неразрывный, синтезирующий и сталкивающий отдельные тексты с разной степенью биографической и документальной нагруженности – дневники, письма, эссе, художественные произведения [9, 10].

С учетом такой перспективы акт уничтожения Т.Манном некоторых дневников и писем – не только желание спасти себя и защитить близких людей, но акт гуманизма, помогающий выполнить главную задачу, которую ставил перед собой автор «Доктора Фаустуса»: многогранное воссоздание настроений эпохи, осознание ответственности за судьбу Германии и формирование ее образа в культуре XX века. Т.Манн позволил себе самостоятельно контролировать и выстраивать параллельный текст немецкой литературы.

*****

1. Thomas Mann-Handbuch. – Fr. am M., 2001. – 1358 p.
2. Harpprecht K. Thomas Mann. – Eine Biographie, 1995. – 2253 p.
3. Манн Т. Собрание сочинений в 10 томах. – Т 9. – М: Государственное издательство художественной литературы, 1959-1961. – 696 с.
4. Шнейерсон Г.М. О письмах Шёнберга // Музыка и современность. Сборник статей. – Вып. 4. – М.: Музыка, 1966. – 467 с.
5. Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Из опыта драматической социологии. – М., 2009. – 568 с.
6. Манн Т. Из дневников // Новый мир. – 1996. – №1. URL: <http://noblit.ru/node/1163> (дата обращения 03.06.2014).
7. Ант С. Томас Манн. Письма. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 349 с.
8. Mann Th. Tagebücher 1918-1921. Hrsg. von P. de Mendelssohn. – Fr. am M., 1979. – 908 p.
9. Лошаков А.Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования. – СПб.: Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 344 с.
10. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. – 170 с.

PARALLEL TEXT OF TH.MANN

S.N.Averkina

The article is devoted to the issue of artistic communication in Th. Mann's diaries and letters. Special attention is paid to the change of style and understanding of the recipient's nature in the later works of the writer. The "intimate diary" of the early Th.Mann seems to have evolved into a "record of life" that regis-

ters the changes in German culture and history exemplified by the individual experience of the author who considers himself to be a “chronicler of the epoch”. Diaries and letters supplement Th.Mann’s fiction and make up “parallel text” that comments and expands on the fictional one.

Key words: text, document, recipient, diary, letter, scriptization, record of life.

*****

1. Thomas Mann-Handbuch. – Fr. am M., 2001. – 1358 p. (In Germany)
2. Harpprecht K. Thomas Mann. – Eine Biographie, 1995. – 2253 p. (In Germany)
3. Mann T. Sobranie sochineniy v 10 tomakh. – T 9. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1959-1961. – 696 s. (In Russian)
4. Shneerson G.M. O pis'makh Shenberga // Muzyka i sovremennost'. Sbornik statey. – Vyp. 4. – M.: Muzyka, 1966. – 467 s. (In Russian)
5. Alekseev A.N., Lenchovskiy R.I. Iz opyta dramaticheskoy sotsiologii. – M., 2009. – 568 s. (In Russian)
6. Mann T. Iz dnevnikov // Novyy mir. – 1996. – № 1. URL: <http://noblit.ru/node/1163> (data obrashcheniya 03.06.2014) (In Russian)
7. Apt S. Tomas Mann. Pis'ma. – M.: Molodaya gvardiya, 1975. – 349 s. (In Russian)
8. Mann Th. Tagebücher 1918-1921. Hrsg. von P. de Mendelssohn. – Fr. am M., 1979. – 908 p. (In Germany)
9. Loshakov A.G. Sverkhtekst: problema tselostnosti, printsipy modelirovaniya. – SPb.: Izvestiya RGPU im. A.I.Gertsena, 2008. – 344 c. (In Russian)
10. Mednis N.E. Sverkhteksty v russkoy literature. – Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2003. – 170 s. (In Russian)

*****

Аверкина Светлана Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А.Добролюбова.

603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31-а.
E-mail: Svetlana.averkina@land.ru

Averkina Svetlana Nikolajevna – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literature and Intercultural Communication, Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod.

31-a Minin Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia
E-mail: Svetlana.averkina@land.ru

Поступила в редакцию 02.06.2014